

среда обитания

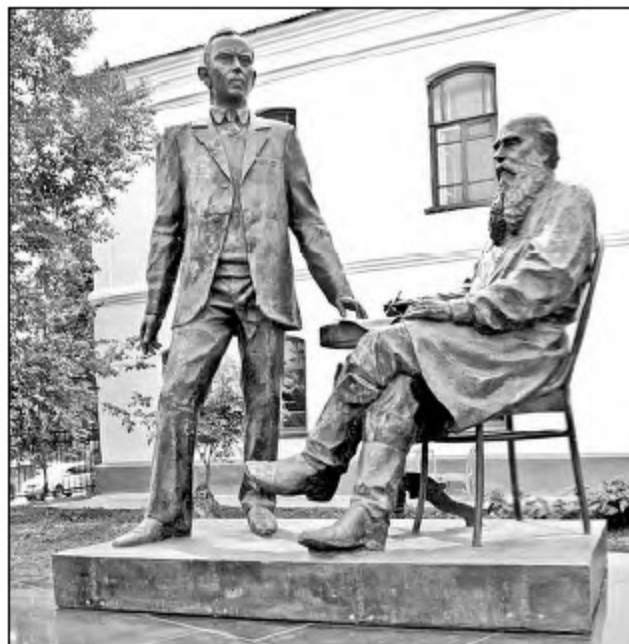
отечественные записки

Происхождение монументов

Где-нибудь в Риме или Буэнос-Айресе памятники – высокомерные граждане вечности, равнодушно вззирающие на людей, подобных бабочкам-однодневкам. У нас же любой старожил без труда припомнит два-три поколения истуканов и парковых скульптур, перемолотых политическими и стилистическими катаклизмами. Социология памятников – очень актуальная дисциплина в России: она позволяет судить не только о состоянии культуры, но и о состоянии умов.

Прокопьевский Пушкин.

Новокузнецкие Учитель и ученик.

Валерий Треска из всего этого спектра значений выделяет линию трагическую. Прометей в шахтерской каске изображается наполовину скрытым в скале; скала покрыта трещинами, подобно утюжно-пласту. Так подчеркивается и двойственная природа угля, и благотельного, и коварного, и двойственной природы человеческой плоти (именно Прометей, по одной из версий, создал людей из глины). В общем, прометеевский миф рано списывать в архив: он еще далеко не исчерпал всех своих значений.

Однако все это пока лишь проекты; скажем несколько слов об уже установленных памятниках. В конце осени в Таштаголе появился монумент «Золотая Шория» работы Даши Намдакова. Он представляет собою фигуру дося, на котором сидит девушка с чашей в руках; в скале горит свечильник, рога дося орнаментированы солдскими символами. Скульптор Намдаков, как принято считать, следует традициям буддийской культуры; в буддийской иконографии известен сюжет о Будде, восседающем на быке, но это явно не наш случай. Союз быка и девушки скорее отсылает к греческому мифу о похищении Европы тем же Зевсом, принявшим образ быка (к нему обращались многие художники, от Тициана до Валентина Серова). Но бык здесь превращается в дося, а девица раскоса, так что перед нами скорее похищение Азии. При этом зверь изображен укрощенным, с рогами, пригнетенными к земле, а героиня восседает в победной позе, так что непонятно, кто кого похи-

тил. Далее, женские фигуры обычно олицетворяют земное начало, тогда как лось – солнечный зверь, известный всем народам Центральной Азии. Дело усложняется мотивом чаши с огнем: строптивое небесное пламя становится достоянием земли-матушки. Это, безусловно, верная интуиция, потому что Горная Шория в мифическом смысле – земля кузнецов, хранящих огонь в таинственных недрах земли.

В Новокузнецке открыли памятник «Учитель и ученик», изображающий Льва Толстого и его литературного секретаря Валентина Булгакова (в прошлом году минуло 100 лет со дня смерти первого и 125 лет со дня рождения второго). Булгаков был уроженцем Кузнецка; после революции выслан за границу на знаменитом «философском пароходе», вернулся в СССР в 1946 году, после чего 20 лет возглавлял музей «Ясная Поляна». Памятник соорудили скульпторы Александр Миронов и Рита Цыденнова. Любопытно, что литературным гением места в Новокузнецке до сих пор считался Федор Достоевский. Но памятник Достоевскому с супругой Марией Исаевой до сих пор остается в проекте (установлен только бюст писателя в ограде литературного музея). Выходит, не всякий конкурс завершается установкой монумента. Впрочем, может статься, почитатели Льва Толстого просто активней; то-то Михаил Гаспаров задавался вопросом: отчего это толстовцы были, а достоевцев не было? Можно вспомнить, что в 1920-х в Кузнецком уезде существовала толстовская коммуна; правда, Валентин Булгаков вроде бы не имел к ней отношения.

В Прокопьевске осенью открыли памятник Александру Пушкину работы красноярского скульптора Константина Зинича. Это не первый Пушкин в творческой биографии скульптора: до этого были монументы в Красноярске и Абакане. Это не первый Пушкин и в Кузбассе: в Кемерове с 1954 года стоит памятник работы Матвея Манизера, нежно любимый кемеровчанами. Новокузнецк же хранит верность певцу пролетариата Маяковскому, обронившему в свое время несколько строк о строительстве КМК. Между прочим, в социальном смысле это значит, что Прокопьевск преодолел участь шахтерского моногорода и тяготеет к неким всеобщим идеалам (Пушкин, как известно, «наше всё»), тогда как Новокузнецк по-прежнему ощущает себя прежде всего городом металлургов.

Юрий ЮДИН.

Фото
Андрея Новашова,
Ярослава Беллева,
Кирилла Сазонова
и Федора Баранова.

В Новокузнецке в конце декабря подвели итоги конкурса на эскизный проект памятника Георгию Жукову. Победителем назван новокузнецкий архитектор Евгений Потехин. Всего поступило 7 проектов, ими можно полюбоваться на выставке в Доме творческих союзов до конца января. Будем надеяться, что новокузнецкий памятник окажется удачнее кемеровского: в областном центре бюст маршала в огромной фуражке и почти без плеч стоит на длинной ножке; все вместе напоминает гвоздь с гнущей шляпкой; вряд ли создатели сознательно добивались такого эффекта.

Не секрет, что отношение к Маршалу Победы всегда было двойственным. При жизни он знал триумф и опалу, после смерти одни считают его спасителем Отечества, другие ставят ему в вину огромные потери, далеко не всегда оправданные (например, при взятии Берлина). Впрочем, об этом лучше сказал Бродский в стихах «На смерть Жукова»:

*Сколько он пролил
крови солдатской
в землю чужую!
Что ж, горевал?
Вспомнил ли их,
умирающих в итагской
белой кровати?
Полный провал.
Что он ответит,
встретившись в адской
области с ними?
«Я воевал».*

К правому делу
Жуков десницы
больше уже
не приложит в бою.

*Сти! У истории
русской страницы
хватит для тех,
кто в пехотном строю
смело входил
в чужие столицы,
но возвращались
в страхе в свою.*

*Маршал!
Поглотит алчная Лета
эти слова и твои прохора.
Все же прими их –
жалкая летта
Родику спасшему,
вслух говоря.
Бей, барабан,
и, военная флейта,
громко свисти
на манер снегира.*

Последняя строка, как и стихотворный размер, отсылает к стихам Державина на смерть Суворова, которые так и называются: «Снигирь» (тогда эта птич-

ка писалась через «и»). Так стихи Бродского извлекают маршала из разноречивой советской истории и помещают прямо в мифологическую вечность, рядом с римлянином Помпеем, византийцем Велизарием и давно канонизированным Суворовым. А с мифами спорить бессмысленно, их не перепишешь, как исторический учебник.

Недавно подвели итоги и конкурса проектов мемориального комплекса памяти погибших на шахте «Распадская». Лучшей признана композиция кемеровчанина Валерия Трески «Прометей Кузбасса». Этому можно порадоваться, потому что Треска – скульптор, безусловно, талантливый, однако работы его до сих пор были не

слишком востребованы.

Со времен романтиков титана Прометей привычно представляют вдохновенным богоборцем, а бога Зевса – косным деспотом. Между тем и Прометей был не чужд хитрости и коварства. Кроме того, Алексей Лосев замечал: «Начала государственности, порядка и морали у людей связаны не с дарами Прометей, из-за которых люди возгордились, а с деятельностью Зевса, который вложил в людей стыд и совесть, необходимые в социальном общении». А Жильбер Дюран прочел историю Прометей как миф о прогрессе, который несет в себе наказание. Прометей, по его мнению, относится к божествам низших сословий, богам плодородия и труда. И

Таштагольская Шория.

Кемеровский Жуков.